

УДК 332.1

Регион: экономика и социология, 2022, № 4 (116), с. 244–271

Ю.И. Пыжева

МОНОГОРОДА СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: НОВЫЙ ПОДХОД К ФОРМИРОВАНИЮ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

В настоящем исследовании были рассчитаны истинные сбережения моногородов Сибири и Дальнего Востока в 2011–2018 гг. По результатам проведенных расчетов предложена новая классификация моногородов, учитывающая отраслевую специализацию и уровень истинных сбережений. С нашей точки зрения, для принятия эффективных управленческих решений в отношении каждого моногорода необходимо организовать выездной мониторинг. Предложена возможная структура отчета выездной комиссии. Итогом цикла исследований стали авторские предложения относительно дифференцированных направлений государственной политики для каждой из групп моногородов с учетом уровня истинных сбережений моногорода, отраслевой специфики, расстояния до крупного города, стратегического значения для РФ.

Ключевые слова: моногород; Сибирь; Дальний Восток; градообразующее предприятие; устойчивое развитие; истинные сбережения; государственная политика

Для цитирования: Пыжева Ю.И. Моногорода Сибири и Дальнего Востока: новый подход к формированию государственной политики // Регион: экономика и социология. – 2022. – № 4 (116). – С. 244–271. DOI: 10.15372/REG20220410.

Сегодня большинство стран поддерживают концепцию устойчивого развития и стремятся к разработке таких стратегий, которые учитывали бы ее требования. Для стран с обширной территорией

и сложным пространственно-экономическим делением принципиальным является вопрос обеспечения устойчивости отдельных территориальных единиц (регионов и городов). Настоящая статья – заключительная в цикле работ автора и ее коллег, посвященных моногородам¹ Сибири и Дальнего Востока. На наш взгляд, изучение устойчивости именно моногородов может быть крайне полезным для понимания проблем развития страны в целом, поскольку узкая специализация экономической деятельности моногородов не только является серьезным барьером на пути к развитию этих территорий, но и высвечивает проблемы, которые могут возникнуть в России на федеральном уровне, если не уделять должного внимания разработке мер по предотвращению таких ситуаций. Проблема моногородов не является специфичной только для России, многие развитые страны сталкивались с аналогичными периодами в развитии промышленных городов. Поэтому чрезвычайно полезно изучать зарубежный опыт по преодолению кризисов в развитии моногородов и опыт по реализации эффективных решений в России.

ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ, ПОСВЯЩЕННЫХ РАЗВИТИЮ МОНОГОРДОВ

В монографии [17] рассматриваются история создания моногородов в СССР, а затем в РФ, периоды их развития, проводится оценка социально-экономического состояния моногородов (в основном по бюджетным и финансовым показателям) и потенциальных возможностей их развития. Исходя из полученных оценок, авторы пред-

¹ В данной работе помимо термина «моногород» будут использоваться схожие понятия «моноотраслевой город», «моноотраслевое поселение», «моноотраслевое муниципальное образование». В законодательстве РФ термин «моногород» применяется как обобщенный, не делается различий между типами населенных пунктов. Используя термин «моноотраслевое муниципальное образование», автор обращает внимание на то, что он охватывает не только собственно города, но и городские округа, поселки городского типа, которые имеют разную численность населения и разные перспективы развития. Термин «моноотраслевое поселение», в свою очередь, подчеркивает меньший масштаб населенного пункта по сравнению с городом или городским округом.

лагают классификацию моногородов и направления стратегического развития для каждой из выделенных категорий.

Говоря о зарубежном опыте анализа моноотраслевых городов/регионов, необходимо упомянуть работу [29], в которой проводится анализ проблем моногородов Великобритании, Германии, Франции, Бельгии, хотя и не слишком релевантных для моногородов Сибири и российского Дальнего Востока, но представляющих интерес с точки зрения заимствования отдельных элементов государственной политики, и работу [11], в которой помимо анализа опыта европейских стран проводится анализ государственного регулирования диверсификации экономики моногородов Японии, Австралии и США. В работах [22; 23; 25; 26] выполнен подробный анализ примеров перепрофилирования экономики моногородов Канады.

Среди работ, посвященных анализу зарубежного опыта модернизации экономики моногородов и формированию на его основе новой промышленной политики для российских моногородов, необходимо отметить монографию [6]. В ней авторы показывают, что основные препятствия в трансформировании экономики российских моноспециализированных городов имеют нематериальную природу и состоят в когнитивной, функциональной и политической блокировках развития, а также предлагают различные сценарии развития групп моногородов и дорожную карту преобразований.

Результаты интересного исследования по российским моногородам, выполненного по заказу компании «Базовый элемент», отражены в работе [7]. На их основе выделено три базовые модели развития монопрофильных городов РФ и для каждой модели предложен общий набор управленческих механизмов для реализации оптимального сценария развития.

Социо-эколого-экономические аспекты функционирования моногородов РФ рассматриваются в работах [1; 19].

Эконометрический анализ факторов, определяющих различные аспекты устойчивости развития зарубежных городов, в том числе моноспециализированных, проводится в работах [24; 27; 28; 30; 31]. Результаты исследований предлагаются в качестве информации для

формирования политики устойчивого развития изучаемых муниципалитетов.

Проблемы развития российских городов обсуждаются в цикле работ Е.А. Коломак [9; 10]. В частности, с помощью эконометрических моделей показано, что рыночные механизмы работали в пользу крупных городов и агломераций, которые нашли конкурентоспособную модель развития, в то время как промышленные города с узкой специализацией на рынках с сокращающимся спросом теряли население. Обзор исследований по выявлению факторов, определяющих устойчивость городов и их рост, позволил заключить, что эти факторы имеют технологическую и институциональную природу [8].

Существует также ряд исследований, посвященных описанию текущих проблем отдельно взятых российских моногородов [2; 3; 5; 13; 15; 16; 18; 20]. Данные работы в основном предоставляют ценный эмпирический материал, но в них не анализируются тенденции и факторы, определяющие развитие российской системы моногородов.

Анализ зарубежного и отечественного опыта развития моногородов позволил сделать следующие основные выводы. Создание моноотраслевых поселений представляет собой важный способ территориальной организации производства в добывающих и обрабатывающих отраслях промышленности на этапе индустриализации экономик разных стран. Для многих стран мира модернизация экономики моногородов является одним из приоритетных направлений государственной региональной политики. В основном политика государства направлена на диверсификацию производственной деятельности, развитие транспортной инфраструктуры и сферы услуг, создание крупных научных центров, в том числе для переквалификации рабочей силы. Но в современных условиях все чаще перед государством встает вопрос: необходимо ли поддерживать существование некоторых городов или целесообразнее будет одновременно профинансировать их «умное сжатие», если они утратили потенциал развития и стратегическое значение для страны? Оптимальным решением, конечно, становится компромисс между этими двумя подходами, предполагающий дифференцированный набор разнообразных механизмов

и инструментов государственной политики, специфичный для каждого конкретного моногорода.

Отметим, что проблема выбора корректной стратегии развития моногородов имеет особое значение именно для территорий, расположенных за Уралом, в силу высокой концентрации поселений, обслуживавших крупные промышленные предприятия в советский период, их стратегического значения для реализации целей пространственного развития страны, а также огромных расстояний между населенными пунктами.

ПРОБЛЕМА КЛАССИФИКАЦИИ МОНОГОРОДОВ

В официально утвержденном перечне моногородов присутствует 324 моногорода². В данном исследовании будут рассмотрены только 89 моногородов из указанного перечня, которые находятся на территории регионов Сибири и Дальнего Востока. Выбор именно этих регионов для анализа обусловлен особой значимостью градообразующих предприятий, расположенных за Уралом, в силу их специализации на добыче стратегически важных полезных ископаемых и связанных обрабатывающих производствах.

В работе [12] рассматриваются существующие различные подходы к определению понятия «моногород». Проблемы классификации моногородов исследуются в работах [4; 21]. Очевидно, что от корректности выбранного определения зависит эффективность проводимой государственной политики. В большинстве случаев под моногородом понимается территориальное социально-экономическое образование, существенная часть населения которого работает на одном градообразующем предприятии. В соответствии с действующими в Российской Федерации законодательно закрепленными критериями к таким типам муниципальных образований относятся поселения с численностью населения более 3 тыс. чел., из которых не менее 20%

² См. Распоряжение Правительства РФ от 29 июля 2014 г. № 1398-р «Об утверждении перечня моногородов» (с изменениями на 21 января 2020 года).

трудоспособного населения в течение последних пяти лет осуществляли трудовую деятельность на градообразующем промышленном предприятии³.

Ранее нами⁴ были проанализированы моногорода Сибири и Дальнего Востока в разрезе некоторых из 15 показателей, которые включены в официальный мониторинг социально-экономического положения моногородов⁵. Результаты проведенного статистического анализа продемонстрировали невозможность качественного анализа моногородов по выделенным на законодательном уровне трем категориям в зависимости от рисков ухудшения социально-экономического положения. Было показано, что официально утвержденная типизация российских моногородов не описывает все многообразие их социально-экономического положения, поэтому для комплексного анализа устойчивости развития данных поселений требуются создание и обоснование классификации, которая бы учитывала существенные различия в масштабе городов, их отраслевой специализации⁶, инфраструктурной обеспеченности, а также другие особенности развития экономики, состояния окружающей среды и социальной сферы. Такой анализ критически важен для формирования адекватной региональной и муниципальной политики и для выбора корректной траектории развития для каждого моногорода.

³ См. Постановление Правительства РФ от 29 июля 2014 г. № 709 «О критериях отнесения муниципальных образований Российской Федерации к монопрофильным (моногородам) и категориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов) в зависимости от рисков ухудшения их социально-экономического положения».

⁴ См.: *Пыжжева Ю.И., Зандер Е.В.* Социально-экономическое разнообразие моногородов Сибири и Дальнего Востока: статистический анализ // Проблемы развития территории. – 2019. – № 3 (101). – С. 49–61. DOI: 10.15838/ptd.2019.3.101.3.

⁵ См. Распоряжение Правительства РФ № 170-р от 2 февраля 2017 года.

⁶ Отраслевая специализация моногорода определялась по виду экономической деятельности, к которому относится градообразующее предприятие согласно его уставным документам. Этот же вид деятельности далее будем называть базовой отраслью промышленности моногорода.

ИСТИННЫЕ СБЕРЕЖЕНИЯ МОНОГОРОДОВ: МОДИФИКАЦИЯ МЕТОДИКИ РАСЧЕТА И ОБОСНОВАНИЕ НОВОЙ КЛАССИФИКАЦИИ

С целью получения более качественной информации в разрезе моногородов нами был проведен аудит доступной тематической статистики и впервые сформирована база данных по моногородам Сибири и Дальнего Востока, включающая в себя следующие сведения: отраслевая принадлежность моногородов; наименования градообразующих предприятий; численность населения моногородов; численность населения, работающего на градообразующих предприятиях; уровень безработицы; выручка градообразующих предприятий; себестоимость реализованной продукции градообразующих предприятий; инвестиции в основной капитал, осуществляемые градообразующими предприятиями; выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух. Также с использованием карт были рассчитаны расстояния до ближайших крупных городов (или региональных центров) по автодорогам (если таковых нет – по зимникам или напрямую). При составлении базы данных использованы: данные Росстата; сведения, предоставляемые органами муниципальной статистики; сведения, содержащиеся в Государственных докладах о состоянии окружающей среды РФ и регионов; годовые отчеты градообразующих предприятий; данные бухгалтерской отчетности градообразующих предприятий, полученные из базы данных «Контур.Фокус». Сформированная база данных позволила детально проанализировать отраслевую принадлежность моногородов, масштабы поселений, их инфраструктурные особенности, сделать некоторые выводы о состоянии социальной сферы, а также выделить факторы, в реальности определяющие динамику экономического развития моногородов.

С использованием сформированной базы данных получены статистические оценки истинных сбережений для моногородов Сибири и Дальнего Востока за период 2011–2018 гг. Для проведения расчетов на уровне городов осуществлена модификация разработанной с участием автора методики расчета истинных сбережений для регионов⁷.

⁷ См.: Пыжеева Ю.И., Лапо Е.В., Сырцова Е.А., Пыжеев А.И. Устойчивость развития регионов Дальнего Востока: оценка на основе истинных сбережений //

Напомним, что согласно нашей методике истинные сбережения (ИС, % от ВРП) регионов рассчитываются по формуле

$$\text{ИС} = (\text{ВС} - \text{ПОК} + \text{ИЧК} - \text{ИПР} - \text{УЗОС}) / \text{ВРП} \cdot 100\%,$$

где ВС – валовое сбережение, млн руб.; ПОК – потребление основного капитала, млн руб.; ИЧК – инвестиции в человеческий капитал, млн руб.; ИПР – стоимость истощения невозобновляемых природных ресурсов, млн руб.; УЗОС – ущерб от загрязнения окружающей среды, млн руб.; ВРП – валовой региональный продукт, млн руб.

В качестве прокси-переменной для валовых сбережений моногородов использованы чистые инвестиции в основные фонды градообразующего предприятия (из открытых форм бухгалтерской отчетности). Ущерб от загрязнения окружающей среды измерялся по минимальной оценке (в связи с критическим недостатком статистических наблюдений за выбросами загрязняющих веществ) – по валовым выбросам градообразующих предприятий, которые были приравнены к стоимостной оценке выбросов СО (с помощью коэффициентов GWP), поскольку не все предприятия предоставляют информацию о выбросах в разрезе загрязняющих веществ. Истощение минеральных ресурсов оценивалось по себестоимости их добычи для компании-недропользователя (включая расходы, напрямую не связанные с добычей). Потребление основного капитала и инвестиции в человеческий капитал не оценивались из-за отсутствия данных.

По результатам расчета истинных сбережений, а также с учетом отраслевой принадлежности было выделено четыре кластера моногородов:

1) моногорода с положительными значениями истинных сбережений (а значит, характеризующиеся относительной устойчивостью развития), градообразующие предприятия которых предположительно не оказывают существенного влияния на состояние окружающей среды города. В данную группу включены преимущественно моногорода, имеющие в качестве базового вида деятельности производ-

ство продуктов питания и напитков, строительство дорог/мостов, услуги железнодорожного транспорта;

2) моногорода со значениями истинных сбережений, близкими к нулю, градообразующие предприятия которых существенно ухудшают состояние окружающей среды города, при этом не осуществляя добычу природных ресурсов в непосредственной близости к территории города. В эту группу включены преимущественно города, имеющие в качестве базовых видов деятельности металлургическое, машиностроительное, деревообрабатывающее, химическое производство, производство и распределение электроэнергии;

3) моногорода с отрицательными значениями истинных сбережений, градообразующие предприятия которых осуществляют добычу природных ресурсов (угля, железных руд, руд редких и земельных металлов, алмазов);

4) моногорода, по градообразующим предприятиям которых на данный момент отсутствует статистическая информация по причине того, что предприятия либо ликвидированы, либо находятся в стадии ликвидации.

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ УСТОЙЧИВОСТИ РАЗВИТИЯ МОНОГОРОДОВ: ИСТИННЫЕ СБЕРЕЖЕНИЯ И СОСТОЯНИЕ ГРАДООБРАЗУЮЩИХ ПРЕДПРИЯТИЙ

В разрезе выделенных кластеров был проведен анализ динамических оценок истинных сбережений за период 2011–2018 гг. В таблице 1 представлен фрагмент расчетов истинных сбережений для первого из выделенных кластеров.

В первом кластере моногородов у четырех из пяти рассматриваемых предприятий пищевой промышленности наблюдаются негативные тенденции в развитии: снижение истинных сбережений составило более 40% за рассматриваемый период. Только пгт Красный Яр (Омская область) продемонстрировал рост истинных сбережений на 70% в 2018 г. в сравнении с 2011 г. Содержательный анализ факторов, определивших такую динамику, показал, что основная причина – увеличение инвестиций в обновление производства в 3,8 раза.

Таблица 1

Фрагмент расчетов истинных сбережений для кластера 1

Монопрофильное образование	Базовая отрасль промышленности	Истинные сбережения, % от ВРП	
		2011	2018
ГО город Алейск	Пищевая промышленность	0,03	0,02
ГО город Тында	Строительство дорог/мостов	0,01	–0,01
ГО город Белогорск	Строительство дорог/мостов, пищевая промышленность	0,08	0,11
ГО город Мариинск	Пищевая промышленность	0,01	0,00
ГП Яшкинское	Пищевая промышленность	0,45	0,05
Красноярское ГП	Пищевая промышленность	0,01	0,03

При этом выручка предприятия за указанный период возросла только в 2,2 раза. Рост истинных сбережений ГО город Белогорск (Амурская область) вне всяких сомнений связан с вводом в 2017 г. в эксплуатацию ООО «Маслоэкстракционный завод «Амурский», являющегося резидентом ТОР «Белогорск» и единственным в России предприятием, занимающимся глубокой переработкой сои с получением таких продуктов, как соевый изолят и пищевая соевая клетчатка. Запуск нового производства позволил увеличить совокупный продукт муниципального образования и инвестиции в основной капитал в 2,5 и 3,6 раза соответственно. Также отметим причины достаточно резкого падения истинных сбережений ГП Яшкинское (Кемеровская область): предприятие ООО «КДВ Яшкино» в 4 раза увеличило выручку за рассматриваемый период за счет наращивания объемов производимой продукции, но при отрицательной динамике инвестиций в основные фонды (снижение на 50% за период 2011–2018 гг.). В данном случае не совсем корректно говорить о негативных тенденциях, поскольку здесь предприятие получило отдачу от ранее осуществленных инвестиций (в 2013–2015 гг.). По остальным предприятиям нет

Таблица 2

Фрагмент расчетов истинных сбережений для кластера 2

Монопрофильное образование	Базовая отрасль промышленности	Истинные сбережения, % от ВРП	
		2011	2018
ГО город Новоалтайск	Машиностроение	0,05	0,02
ГП Степноозерский поссовет	Химическая промышленность	0,03	0,14
ГО город Саянск	Химическая промышленность	0,04	0,06
ГП рабочий поселок Линево	Промышленность строительных материалов (графит)	0,02	0,05
ГП Каменское	Промышленность строительных материалов	0,04	0,02
ГО город Новокузнецк	Металлургия	0,03	0,01
ГО город Лесосибирск	Лесозаготовительная и деревообрабатывающая	0,08	0,03
ГП город Закаменск	Металлургия, машиностроение	0,14	0,00

выраженной динамики истинных сбережений, в течение всего рассматриваемого периода они были стабильны.

Относительно второго кластера моногородов (табл. 2) следует помнить, что полученные оценки истинных сбережений довольно сильно завышены из-за отсутствия наблюдаемой статистики, касающейся выбросов загрязняющих веществ в атмосферу (следовательно, они не учтены в расчетах), и в реальности должны находиться в отрицательной зоне. Второй кластер включает 34 моногорода, и только девять из них характеризуются отрицательными тенденциями в динамике истинных сбережений. В основном это города с базовыми предприятиями машиностроения. Остальные города показали рост истинных сбережений за рассматриваемый период, но с оговоркой относительно невозможности учета выбросов в атмосферу.

Таблица 3

Фрагмент расчетов истинных сбережений для кластера 3

Монопрофильное образование	Базовая отрасль промышленности	Истинные сбережения, % от ВРП	
		2011	2018
ГО город Райчихинск	Угольная промышленность	–0,85	–0,74
ГП рабочий поселок Чегдомын	Угольная промышленность	–0,40	–0,53
ГО Шерловогорское	Угольная промышленность	–0,67	–0,68
Железногорское ГП	Добыча металлических руд	–0,45	–0,66
ГО город Березовский	Угольная промышленность	–0,40	–0,44
ГП город Нерюнгри	Угольная промышленность	0,22	–0,33
ГО город Черногорск	Угольная промышленность	–0,39	–0,44
Сельское поселение Саганнурское	Угольная промышленность	–0,35	–0,24

В отношении группы моногородов, образующих третий кластер (табл. 3), наиболее ощутима проблема отсутствия открытой отчетности предприятий или невозможности получения данных по конкретному предприятию, если оно является частью крупного холдинга. По «открытым» предприятиям также выявлено снижение истинных сбережений (от 17 до 45%) для моногородов Иркутской, Кемеровской областей и Республики Саха (Якутия), занимающихся добычей металлических руд. Например, истинные сбережения Железногорского ГП (Иркутская область) снизились, поскольку выручка градообразующего предприятия ПАО «Коршуновский ГОК» (входит в состав ОАО «Мечел») сократилась на 22%, в то время как себестоимость добычи выросла на 11% в 2018 г. в сравнении с 2011 г. При этом инвестиции в основные фонды упали на 60% за рассматриваемый период. Компания сообщила о том, что снижение доходов связано с уменьшением объемов реализации железно-рудного концент-

рата. Интересная ситуация сложилась в моногородах, где базовой отраслью промышленности является угледобыча. Из восьми моногородов Кемеровской области, отнесенных к третьему кластеру, у пяти наблюдаются позитивные тенденции с точки зрения динамики истинных сбережений – рост от 3 до 45%. Среди моногородов других регионов положительные тенденции на угледобывающих предприятиях наблюдаются только в г. Райчихинске (Амурская область) и пос. Саган-Нур (Республика Бурятия). Во всех случаях динамика связана с возрастающими инвестициями в основной капитал предприятий.

К четвертому кластеру отнесены моногорода, по градообразующим предприятиям которых на данный момент отсутствует статистическая информация по причине их ликвидации. Отметим, что речь идет об 11 городах, семь из которых специализировались на добыче природных ресурсов и были созданы, чтобы обслуживать конкретные месторождения. Удивительно, что не все города, градообразующее предприятие которых ликвидировано, имеют небольшую численность населения. В рассматриваемой группе есть города, где проживает от 4 тыс. до 77 тыс. чел. (например, г. Усолжье-Сибирское Иркутской области).

С использованием полученных данных о динамике истинных сбережений моногородов выявлены детерминанты устойчивости развития каждой из выделенных групп (внутри укрупненных кластеров). Был проведен анализ факторов, определяющих динамику истинных сбережений, отдельно по каждому предприятию, входящему в кластер или более мелкую отраслевую группу. Выявлено, что в основе динамики истинных сбережений моногородов чаще всего лежат не общие характеристики моногорода (численность населения, уровень безработицы, численность работников, предполагаемых к увольнению, и другие факторы, определенные Постановлением Правительства РФ № 170-р от 2 февраля 2017 г.), а фундаментальные факторы развития конкретной отрасли промышленности и в большей степени – фундаментальные факторы функционирования предприятия: спрос на производимую продукцию, себестоимость продукции, волатильность цен на рынках сбыта и колеблющаяся из-за этого выручка, политика собственников предприятия относительно инвестирования

в обновление основных фондов и технологий (которые косвенно влияют на конкурентоспособность производимой продукции), политика федеральных и региональных властей в отношении конкретных видов деятельности. Именно перечисленные факторы в конечном счете и определяют устойчивость конкретного предприятия, моногорода и региона в целом.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ МОНОГОРОДОВ: НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ

Сегодня в списке моногородов 324 города, и одна и та же политика реализуется для моногородов с несопоставимыми исходными условиями. В июле 2022 г. Фонд развития моногородов представил топ-10 наиболее успешных моногородов за 2021 г. (половина лидеров рейтинга сохранились с 2020 г.)⁸. В этом списке много городов европейской части России, расположенных достаточно близко от крупных автомобильных и железнодорожных магистралей и имеющих далекую от моноотраслевой структуру экономики. Так, в топ-10 вошли Набережные Челны (Республика Татарстан), Тольятти (Самарская область), Первомайский (Тульская область), Губкин (Белгородская область), Кумертау (Республика Башкортостан), Череповец (Вологодская область), Костомукша (Республика Карелия), Невинномысск (Ставропольский край), Нижнекамск (Республика Татарстан) и Тутаев (Ярославская область).

Представители Фонда развития моногородов в отчетах о деятельности фонда указывают, что в перечисленных городах созданы новые производства и рабочие места, что инвесторы приходят в эти города и начинают новые производства и что лидеры рейтинга станут «наставниками» для других моногородов и будут передавать свой опыт в рамках проекта «Менторство». Без ответа остается вопрос: как можно объединять, сравнивать города, передавать опыт развития или перепрофилирования экономики, если у этих городов несопостави-

⁸ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5481785> ; <https://rg.ru/2020/11/17/reg-pfo/nazvany-10-luchshih-rossijskih-monogorodov.html> .

мые стартовые условия? Ни разу с 2014 г. в отчетах Фонда развития моногородов не фигурировали результаты действительно депрессивных моногородов. Очень многие моногорода, сейчас отнесенные даже ко второй категории по классификации Правительства России, многие годы находятся в глубочайшем кризисе качества жизни населения.

На наш взгляд, такие отдаленные поселения, как города Певек, Удачный, пгт Беринговский и прочие труднодоступные или недоступные никакими другими способами, кроме авиации и зимников, должны рассматриваться отдельно и иметь какой-то другой статус как территории, функционирование которых в качестве морских портов или зон разработки месторождений полезных ископаемых стратегически важно для страны. Их очень сложно рассматривать вместе с другими моногородами, даже расположенными в Сибири и на Дальнем Востоке, не говоря уже о городах в центральной части России, которые имеют совершенно другие инфраструктурные, экономические и социальные условия для развития.

Другой пример – города из третьей, «благополучной», категории: Норильск и Новокузнецк. С экономической точки зрения Норильск, безусловно, является городом моноотраслевой специализации. Вопрос о том, насколько целесообразным было решение о строительстве подобного города, с огромным для моногорода населением (около 182 тыс. чел.), в месте за полярным кругом, куда большую часть года возможно добраться только авиационным сообщением (около 2000 км до г. Красноярска), где полярная ночь, где крайне низкие температуры и другие тяжелейшие климатические условия, а также совершенно недопустимые для постоянной жизни концентрации загрязняющих веществ (в частности, диоксида серы), остается за рамками нашей работы. Но как можно объединять Норильск в одну категорию с Новокузнецком (как город получил этот статус, и вовсе непонятно), который находится географически в гораздо более доступном месте, имеет население около 543 тыс. чел. и довольно дифференцированную структуру экономики? Сопоставимы ли трудности в привлечении инвесторов в этих городах?

Несложный анализ подсказывает всего три типа решений, которые могут быть приняты в отношении каждого моногорода. Во-первых, необходимо актуализировать понятие моногорода в регламентирующих документах, пересмотреть критерии, согласно которым город может приобретать указанный специальный статус. На наш взгляд, многие города из существующего списка не являются моноотраслевыми, а имеют достаточно диверсифицированную структуру экономики и ничем не отличаются от большого количества других российских городов без специального статуса. Во-вторых, некоторые города нужно политическим решением перевести в статус рабочих поселков (или ликвидировать, если они утратили стратегическое значение), в которых нет постоянного населения, работа осуществляется вахтовым методом, а имеющемуся населению следует предоставить социальное жилье в более благоустроенных близлежащих городах. В-третьих, для городов, у которых существуют реальные перспективы дальнейшего развития экономики и социальной сферы, обусловленные различными факторами, надо предложить возможные механизмы поддержки.

Таким образом, перечень городов, которые действительно нуждаются в специфических программах развития и восстановления, может существенно сократиться, а значит, поддержка может стать более адресной. Финансовый анализ эффективности деятельности Фонда развития моногородов с 2014 по 2020 г. – это предмет отдельной работы, а здесь лишь отметим, что средства на развитие моногородов продолжают выделяться, несмотря на проведенную реформу институтов развития, и главное – верно сформулировать направления, которые позволят наиболее эффективно решить проблемы моногородов.

В целом, в государственных структурах (Правительстве России, Министерстве экономического развития, Государственной думе) вопрос о повышении эффективности поддержки моногородов возникает регулярно. Предлагаются различные варианты, иногда очень разнонаправленные: либо сокращение перечня моногородов до 163 (за счет территорий, находящихся не далее 50 км от региональных столиц), либо его увеличение до 500 (данная инициатива депутатов Государ-

ственной думы представляется менее обоснованной). Но, главное, есть понимание, что существующая классификация моногородов не лишена недостатков, и идет поиск лучшего варианта. На наш взгляд, речь следует вести не о сокращении или увеличении числа моногородов, а именно об актуализации существующего перечня и пересмотре критериев для отнесения того или иного города к моноотраслевым. В связи с сегодняшними событиями на Украине проект по пересмотру поддержки моногородов остановлен правительством на неопределенный срок. Но в сложившейся ситуации выводы данного исследования приобретают особую актуальность.

Одним из результатов цикла наших работ⁹, который завершается настоящей статьей, является вывод о том, что необходим пересмотр действующей классификации моногородов. Официальная классификация не отражает никакие особенности моногородов и не позволяет оказывать адресную и эффективную поддержку. Предложенная нами новая классификация моногородов, на наш взгляд, более корректна, но применять ее при осуществлении государственной политики следует с наименьшей осторожностью. Проблемы моногородов гораздо глубже, сложнее и многообразнее, и ни одна, даже самая обоснованная классификация не в силах охватить и формализовать все особенности и проблемы каждого из моногородов. Мы показали, что и для моногородов можно применять формализованные, удобные для лиц, принимающих решения, показатели устойчивости развития территорий, такие как истинные сбережения. Для моногородов они цели-

⁹ См.: Пыжеева Ю.И., Зандер Е.В. Социально-экономическое разнообразие моногородов Сибири и Дальнего Востока: статистический анализ // Проблемы развития территории. – 2019. – № 3 (101). – С. 49–61. DOI: 10.15838/ptd.2019.3.101.3; Пыжеева Ю.И., Зандер Е.В. Экономические аспекты решения экологических проблем российских городов // Экономика. Налоги. Право. – 2019. – № 12 (5). – С. 111–120. DOI: 10.26794/1999-849X-2019-12-5-111-120; Пыжеев А.И., Сырцова Е.А., Пыжеева Ю.И., Зандер Е.В. Совершенствование статистики устойчивости развития российских регионов // Вопросы статистики. – 2019. – № 26 (5). – С. 33–42; Пыжеева Ю.И., Лапо Е.В., Сырцова Е.А., Пыжеев А.И. Устойчивость развития регионов Дальнего Востока: оценка на основе истинных сбережений // Регион: экономика и социология. – 2020. – № 2 (106). – С. 198–224.

ком и полностью определяются состоянием и политикой градообразующего предприятия, но косвенно указывают на снижение или рост экономического благосостояния населения. Однако, как известно, благосостояние определяется не только экономической составляющей, но также большое значение имеют социальный и экологический компоненты.

В целом, все инструменты, которые можно использовать для дистанционного анализа, эффективны лишь для предварительной оценки ситуации и понимания общих тенденций. С нашей точки зрения, если стоит задача именно решения проблемы моногородов, а не просто создания программы поддержки с сомнительной эффективностью, необходимо в первую очередь инвестировать в мониторинг ситуации в каждом из моногородов и только после этого принимать окончательное решение. Имеет смысл организовать выезды специалистов в каждый моногород, чтобы наглядно оценить и зафиксировать ситуацию. Вероятно, результаты выездов могут быть оформлены в соответствующие отчеты и переданы на рассмотрение в организацию, курирующую развитие моногородов (в данный момент – ВЭБ). Курирующая организация выносит решение по каждому из моногородов, и далее документы должны быть направлены в Правительство РФ для принятия окончательного решения. Не вызывает сомнений, что отчет выездных комиссий должен быть формализован, утвержден уполномоченным органом, он должен содержать ключевые разделы, позволяющие адекватно оценить ситуацию.

Предлагается следующая возможная структура подобного отчета, включающая три блока устойчивого развития: экономический (стратегическое значение города, структура экономической деятельности города, состояние градообразующего предприятия, дорожная инфраструктура, характеристики населения, состояние жилого фонда), социальный (характеристики учреждений образования и здравоохранения, аптек и продовольственных магазинов) и экологический (климатические характеристики территории и особенности загрязнения атмосферного воздуха).

Таблица 4

Расстояние от моногородов до ближайшего крупного города

Расстояние, км	Кол-во монопрофильных образований в группе	Группа мер государственной поддержки
До 100	29	4
От 101 до 500	44	3
Свыше 500	16	1 или 2

На примере моногородов Сибири и Дальнего Востока в дополнение к нашей кластеризации измерено расстояние от каждого моногорода до крупного города (или регионального центра) по автомагистралям (если они отсутствуют – по прямой или по зимнику), в результате чего города разделены на три группы: расположенные на расстоянии до 100 км, от 101 до 500 км, свыше 500 км (табл. 4).

С нашей точки зрения, окончательное решение в отношении моногорода и определения для него государственных мер поддержки должно учитывать такой немаловажный фактор, как расстояние до крупного города. По таблице 4 видно, что наибольшее количество моногородов (44) находятся на расстоянии от крупного города от 101 до 500 км, достаточно много городов (29) – на расстоянии до 100 км (а значит, они имеют потенциально очень хорошие условия для развития) и всего 16 городов находятся на очень большом расстоянии от регионального центра, в сложных климатических условиях, часто не имеют автомобильного сообщения с крупным городом, и именно в отношении таких моногородов особенно актуален вопрос расселения или перевода их в статус рабочих поселков с вахтовым режимом работы.

Можно выделить четыре основных типа предлагаемых мер государственной поддержки, которые следует выбирать в зависимости от результатов выездного мониторинга, а также расстояния от крупного города.

Группы 1 и 2. Первая группа государственных мер предполагает расселение моногорода, вторая – перевод моногорода в статус рабо-

чего поселка с вахтовым режимом работы, если он имеет стратегическое значение для РФ. Такое решение может быть принято только индивидуально в отношении каждого моногорода и только по результатам отчета выездной комиссии, если по большинству показателей отчета моногород находится в критической ситуации.

С точки зрения государства, процесс расселения гораздо более затратен, чем поддержание функционирования города, поскольку бюджетные средства должны быть выделены единомоментно, а не распределены во времени. Но если поддержание функционирования городской инфраструктуры нецелесообразно, жителям должны быть предложены варианты переселения в близлежащие более благоустроенные города. Часть жителей, возможно, выступят против переселения, и они должны быть проинформированы, что государственная поддержка и обеспечение жизненно важных функций города будут приостановлены и у жителей могут возникнуть определенные риски в случае, если они отказываются от переезда. К схожему выводу о необходимости переселения постоянного населения некоторых моногородов приходят и авторы монографии [17]. Однако переселение постоянного населения не означает полную ликвидацию моногорода. Имеющиеся месторождения должны быть законсервированы для сохранения компетенций освоения на случай появления более прогрессивных технологий добычи.

В данной группе городов (свыше 500 км от крупного города) присутствуют два моногорода, расположенные в Арктической зоне РФ: Норильск и Певек. Очевидно, что идеи о расселении не касаются ни одного из них, поскольку Норильск является достаточно крупным моногородом с населением 182 тыс. чел. и градообразующее предприятие «Норильский никель» очень активно инвестирует в развитие различной инфраструктуры города. Что же касается Певека, то это город стратегического значения, в нем находятся важный морской порт и месторождения полезных ископаемых, для обслуживания которых введена в эксплуатацию первая в мире ПАТЭС. Но учитывая сложные климатические условия и малочисленность населения (около 5,5 тыс. чел.), можно было бы рассмотреть перевод Певека на

вахтовый режим работы с содержанием минимально необходимой социальной инфраструктуры, но без постоянного проживания населения.

В аналитическом докладе «Моногорода Арктической зоны РФ: проблемы и возможности развития» [14] подробно проанализирована ситуация в моногородах Арктики, и эксперты в качестве мер поддержки называют присвоение арктическим территориям статуса ТОР (налоговые льготы, льготное кредитование, расширение ТОР за пределы моногорода при необходимости), внедрение программ повышения квалификации и переподготовки менеджеров высшего и среднего звена с целью формирования у них прогрессивного инвестиционного мышления и отказа от только лишь дотационного подхода. Предложенные меры поддержки в настоящее время уже достаточно широко используются в моногородах европейской части России и также актуальны не только для арктических моногородов, но и для всех отдаленных моногородов, отнесенных в данном исследовании к первой и второй группам.

Группа 3. Если город расположен относительно близко к крупному городу (от 100 до 500 км) и транспортным магистралям, необходимо предложить государственные программы поддержки, специфичные для каждого кластера, в соответствии с предложенной классификацией моногородов. Помимо специфических отраслевых решений, для данной группы моногородов особенно актуальны будут инвестиции в повышение транспортной доступности, строительство скоростных автомагистралей для развития экономических связей моногорода с близлежащими крупными городами.

Группа 4. Если моногород расположен на расстоянии менее 100 км от крупного города или регионального центра, меры государственной поддержки должны быть направлены на развитие дорожной, развлекательной, социальной инфраструктуры города, благоустройство общественных пространств. Необходимы программы привлечения инвесторов для создания новых рабочих мест на более привлекательных условиях, чем при их создании в крупном городе (экономические, налоговые льготы, субсидирование рабочих мест и т.п.). Обеспече-

нию перетока рабочей силы из крупного города в моногород будут способствовать более привлекательные условия по оплате труда при переезде в моногород на сопоставимую должность, льготное предоставление жилья или льготы при его покупке. Может быть осуществлен перенос некоторых рабочих мест в государственных корпорациях из крупного города в моногород.

Таким образом, нами сформированы предложения относительно возможных вариантов дифференцированной государственной политики в отношении групп моногородов, выделенных в зависимости от уровня истинных сбережений, отраслевой принадлежности и расстояния от крупного города. С нашей точки зрения, принципиальным моментом при утверждении каких-либо мер государственной поддержки является наличие отчета выездной комиссии, который должен фиксировать реальную ситуацию в каждом моногороде в разрезе составляющих устойчивого развития. Только подобный многоаспектный анализ ситуации в моногородах может привести к формированию действительно эффективной государственной политики, которая будет способствовать решению проблем моногородов и росту благосостояния их населения.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-00841. Работы по изучению моногородов Арктической зоны Сибири и Дальнего Востока выполнены в рамках Государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (проект № FSRZ-2021-0011)

Список источников

1. Бобылев С.Н., Порфирьев Б.Н. Устойчивое развитие крупнейших городов и мегаполисов: фактор экосистемных услуг // Вестник Московского университета. Сер. 6: Экономика. – 2016. – № 6. – С. 3–21.
2. Гончаров А.Ю. Модернизация экономической системы моногорода // Региональная экономика: теория и практика. – 2011. – № 16. – С. 58–60.
3. Гусева М.С., Габбасова Ю.Р. Комплексное развитие моногородов: опыт Самарской области // Ars Administrandi (Искусство управления). – 2017. – Т. 9, № 1. – С. 62–76. DOI: 10.17072/2218-9173-2017-1-62-76.

4. Дулесов А.Н., Бехтерев Д.В. Классификация моногородов по их жизненному циклу // *Фундаментальные исследования*. – 2015. – № 10, ч. 1. – С. 161–165.
5. Желнина Е.В. Ресурсы предприятий в решении социокультурных и экономических проблем моногорода // *Вестник Новосибирского государственного университета*. Сер.: Социально-экономические науки. – 2011. – Т. 11, № 1. – С. 125–128.
6. Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н. Инновационный поиск в монопрофильных городах: блокировки развития, новая промышленная политика и дорожная карта перемен. – М.: УРСС, 2015. – 216 с.
7. Землянский Д.Ю., Ламанов С.В. Сценарии развития монопрофильных городов России // *Вестник Московского университета*. Сер. 5: География. – 2014. – № 4. – С. 69–74.
8. Коломак Е.А. Городская система современной России. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2018. – 144 с.
9. Коломак Е.А. Почему возникают и растут города? Объяснения теоретических и эмпирических исследований // *Пространственная экономика*. – 2018. – № 2. – С. 134–153. DOI: 10.14530/se.2018.2.134-153.
10. Коломак Е.А. Развитие городской системы Сибири в постсоветский период: прогнозы и реальность // *ЭКО*. – 2018. – № 7 (529). – С. 57–66.
11. Кулай С.В. Зарубежный опыт модернизации и реструктуризации экономики моногородов // *Государственное управление. Электронный вестник*. – 2019. – Вып. 73. – С. 224–248.
12. Малашенко Е.А., Мекуш Г.Е. Понятие «моногород»: российский и зарубежный взгляд // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского*. География. Геология. – 2020. – Т. 6 (72), № 3. – С. 125–134.
13. *Моногород: управление развитием* / Ускова Т.В., Иогман Л.Г., Ткачук С.Н., Нестеров А.Н., Литвинова Н.Ю. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. – 220 с.
14. *Моногорода Арктической зоны РФ: проблемы и возможности развития: Аналитический доклад* / Центр обеспечения деятельности Государственной комиссии по вопросам развития Арктики; Институт прикладных политических исследований. – М., 2016. – 46 с.
15. Пыжов А.И., Сырцова Е.А., Гордеев Р.В. Устойчивость развития моногородов: новое измерение // *Вестник Кемеровского государственного университета*. Сер.: Политические, социологические и экономические науки. – 2018. – № 3. – С. 157–161. DOI: 10.21603/2500-3372-2018-3-157-161.
16. Пыткин А.Н., Загоруйко И.Ю. Как сделать устойчивыми моногорода? Постановка проблемы моногородов: поиск решений научным сообществом // *Российское предпринимательство*. – 2010. – № 4-2. – С. 132–137.
17. *Развитие моногородов России* / Под ред. д-ра экон. наук, проф. И.Н. Ильиной. – М.: Финансовый университет, 2013. – 168 с.
18. Ускова Т.В. О потенциале развития российских территорий // *Проблемы развития территории*. – 2018. – № 5 (97). – С. 7–17. DOI: 10.15838/ptd.2018.5.97.1.

19. *Устойчивое* развитие городов / Под ред. К.В. Папенова, С.М. Никонорова, К.С. Ситкиной. – М.: Эк. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 2019. – 288 с.
20. *Фомин М.В., Безвербный В.А., Шушпанова И.С., Микрюков Н.Ю., Лукашенко Е.А., Мирязов Т.Р.* Моногорода Сибири и Дальнего Востока России: потенциал и перспективы развития // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2020. – № 1. – С. 137–165.
21. *Чалдаева Л.А., Скиданова Ю.В.* Критериально-методический подход к классификации моногородов: теория и практика // Региональная экономика: теория и практика. – 2016. – № 4. – С. 4–18.
22. *Шаститко А.Е., Фатихова А.Ф.* Моногорода: новый взгляд на старую проблему // Балтийский регион. – 2015. – № 1 (23). – С. 7–35.
23. *Dignard L.A.* A Comparative Approach to the Study of Community and Work in Canadian Mining and Forestry Towns: A thesis submitted to the faculty of graduate studies and research. – Ottawa, 1989.
24. *Drejerska N.* Is sustainability possible in suburbs of big cities? – The example of Warsaw // Sustainable Development, Knowledge Society and Smart Future Manufacturing Technologies. World Sustainability Series / Ed. by W. Leal Filho, A. Úbelis, D. Bêrziņa. – Cham: Springer, 2015.
25. *Gill A.M.* Respecting context in Northern resource town planning: the case of Tumbler Ridge // Western Geography. – 2002. – No. 12. – P. 113–129.
26. *Mawhiney A.-M., Pitblado J.* Boom Town Blues – Elliot Lake: Collapse and Revival in a Single-Industry Community. – Toronto, 2009.
27. *Ning L., Wang F.* Does FDI environmental knowledge spillovers to developing countries? The role of the local industrial structure // Environmental and Resource Economics. – 2018. – Vol. 71, No. 2. – P. 381–405.
28. *Rudacille D.* Roots of Steel: Boom and Bust in an American Mill Town. – N.Y., 2010.
29. *Sadler D.* Marginality in the New Europe. – Birmingham, 1994.
30. *Sustainability in America's Cities: Creating the Green Metropolis* / Ed. by M.I. Slavin. – Washington, DC: Island Press, 2011. DOI: 10.5822/978-1-61091-028-6.
31. *Sustainable Development, Knowledge Society and Smart Future Manufacturing Technologies.* World Sustainability Series / Ed. by W. Leal Filho, A. Úbelis, D. Bêrziņa. – Cham: Springer, 2015. DOI: 10.1007/978-3-319-14883-0_24.

Информация об авторе

Пыжсева Юлия Ивановна (Россия, Красноярск) – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Сибирского федерального университета (660041, Красноярск, просп. Свободный, 79). E-mail: ystartseva@sfu-kras.ru.

DOI: 10.15372/REG20220410

Region: Economics & Sociology, 2022, No. 4 (116), p. 244–271

Yu.I. Pyzheva

SINGLE-INDUSTRY TOWNS IN SIBERIA AND THE FAR EAST: A NEW APPROACH TO PUBLIC POLICY MAKING

This article calculates the true savings of single-industry towns in Siberia and the Far East between 2011 and 2018. We propose a new classification of single-industry towns based on their results, considering sectoral specialization and true savings levels. Our viewpoint is that to make effective management decisions with regard to each single-industry town, it is necessary to organize field monitoring and investigation. The article suggests a possible structure of the field team report. The author's proposals on differentiated lines of state policy for each group of single-industry towns, which take into account the level of true savings in a single-industry town, sectoral specifics, distance to a major city, and strategic importance for the Russian Federation, have become the result of this research cycle.

Keywords: single-industry town; Siberia, the Far East; city-forming enterprise; sustainable development; true savings; public policy

For citation: Pyzheva, Yu.I. (2022). Monogoroda Sibiri i Dalnego Vostoka: novyy podkhod k formirovaniyu gosudarstvennoy politiki [Single-industry towns in Siberia and the Far East: a new approach to public policy making]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 4 (116), 244–271. DOI: 10.15372/REG20220410.

The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, scientific project No. 19-010-00841. Work on the study of single-industry towns in the Arctic zone of Siberia and the Far East was carried out with the State Assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (project No. FSRZ-2021-0011)

References

1. Bobylev, S.N. & B.N. Porfiriev. (2016). Ustoychivoe razvitie krupneyshikh gorodov i megalopolisov: faktor ekosistemnykh uslug [Sustainable development of largest cities and megalopolises: a factor of ecosystem services]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 6: Ekonomika* [Moscow University Economics Bulletin], 6, 3–21.
2. Goncharov, A.Yu. (2011). Modernizatsiya ekonomicheskoy sistemy monogoroda [Modernization of a mono-town's economic system]. *Regionalnaya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional Economics: Theory and Practice], 16, 58–60.
3. Guseva, M.S. & Ju.R. Gabbasova. (2017). Kompleksnoe razvitie monogorodov: opyt Samarskoy oblasti [Integrated development of single-industry towns: experience in Samara region]. *Ars Administrandi (Iskusstvo upravleniya)* [Ars Administrandi], Vol. 9, No. 1, 62–76. DOI: 10.17072/2218-9173-2017-1-62-76.
4. Dulesov, A.N. & D.V. Bekhterev. (2015). Klassifikatsiya monogorodov po ikh zhiznennomu tsiklu [Classification on monocities their life cycle]. *Fundamentalnye issledovaniya* [Fundamental Research], 10, Part 1, 161–165.
5. Zhelnina, E.V. (2011). Resursy predpriyatiy v reshenii sotsiokulturnykh i ekonomicheskikh problem monogoroda [Resources of the enterprises in decision social and cultural problems of the monocity]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Sotsialno-ekonomicheskie nauki* [Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Social and Economic Sciences], Vol. 11, No. 1, 125–128.
6. Zamyatina, N.Yu. & A.N. Pelyasov. (2015). Innovatsionnyy poisk v monoproyfilnykh gorodakh: blokirovki razvitiya, novaya promyshlennaya politika i dorozhnaya karta peremen [Innovating Search for Single-Industry Cities: Barriers to Development, a New Industrial Policy and the Action Plan]. Moscow, URSS Publ., 216.
7. Zemlyansky, D.Yu. & S.V. Lamanov. (2014). Stsenarii razvitiya monoproyfilnykh gorodov Rossii [Scenarios of development for the single industry towns in Russia]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. 5: Geografiya* [Moscow University Bulletin. Series 5: Geography], 4, 69–74.
8. Kolomak, E.A. (2018). Gorodskaya sistema sovremennoy Rossii [The Urban System of Modern Russia]. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ., 144.
9. Kolomak, E.A. (2018). Pochemu voznikayut i rastut goroda? Obyasneniya teoreticheskikh i empiricheskikh issledovaniy [Why cities emerge and grow? Explanations of theoretical and empirical studies]. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics], 2, 134–153. DOI: 10.14530/se.2018.2.134-153.
10. Kolomak, E.A. (2018). Razvitie gorodskoy sistemy Sibiri v postsovetitskiy period: prognozy i realnost [Development of the Siberian urban system in the post-Soviet period: predictions and reality]. *EKO* [ECO], 7 (529), 57–66.
11. Kulay, S.V. (2019). Zarubezhnyy opyt modernizatsii i restrukturalizatsii ekonomiki monogorodov [Foreign experience of single-industry towns modernization and eco-

monic restructuring]. Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyy vestnik [E-Journal Public Administration], 73, 224–248.

12. *Malashenko, E.A. & G.E. Mekush.* (2020). Ponyatie «monogorod»: rossiyskiy i zarubezhnyy vzglyad [The concept of “single-industry city”: Russian and foreign views]. Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Geografiya. Geologiya [Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Geography. Geology], Vol. 6 (72), No. 3, 125–134.

13. *Uskova, T.V., L.G. Iogman, S.N. Tkachuk, A.N. Nesterov & N.Yu. Litvinova.* (2012). Monogorod: upravlenie razvitiem [Monotown: Development Management]. Vologda, Institute of Socio-Economic Development of Territories RAS Publ., 220.

14. *Monogoroda* Arkticheskoy zony RF: problemy i vozmozhnosti razvitiya: Analiticheskiy doklad [Monotowns of the Arctic Zone of the Russian Federation: Problems and Opportunities: Analytical report]. (2016). Center for Supporting the Activities of the State Commission on the Development of the Arctic; Institute of Applied Political Research. Moscow, 46.

15. *Pyzhev, A.I., E.A. Syrtsova & R.V. Gordeev.* (2018). Ustoychivost razvitiya monogorodov: novoe izmerenie [Sustainable development of single-industry towns: new measurement]. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki [Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences], 3, 157–161. DOI: 10.21603/2500-3372-2018-3-157-161.

16. *Pytkin, A.N. & I.Yu. Zagoruiko.* (2010). Kak sdelat ustoychivymi monogoroda? Postanovka problemy monogorodov: poisk resheniy nauchnym soobshchestvom [Formulating the problem of mono-industry towns: scientific community is looking for solutions]. Rossiyskoe predprinimatelstvo [Russian Journal of Entrepreneurship], 4-2, 132–137.

17. *Ilyina, I.N.* (Ed.). (2013). Razvitie monogorodov Rossii [Development of Monotowns in Russia]. Moscow, Financial University Publ., 168.

18. *Uskova, T.V.* (2018). O potentsiale razvitiya rossiyskikh territoriy [The potential of Russian territories' development]. Problemy razvitiya territorii [Problems of Territory's Development], 5 (97), 7–17. DOI: 10.15838/ptd.2018.5.97.1.

19. *Papenov, K.V., S.M. Nikonorov & K.S. Sitkina* (Eds.). (2019). Ustoychivoe razvitie gorodov: kollektivnaya monografiya [Sustainable Development of Cities: collective monograph]. Moscow, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, 288.

20. *Fomin, M.V., V.A. Bezverbny, I.S. Shushpanova, N.Yu. Mikryukov, E.A. Lukashenko & T.R. Miriazov.* (2020). Monogoroda Sibiri i Dalnego Vostoka Rossii: potentsial i perspektivy razvitiya [Company towns of the Siberia and Russian Far East: potential and development prospects]. Voprosy gosudarstvennogo i munitsipalnogo upravleniya [Public Administration Issues], 1, 137–165.

21. *Chaldaeva, L.A. & Yu.V. Skidanova.* (2016). Kriterialno-metodicheskiy podkhod k klassifikatsii monogorodov: teoriya i praktika [A criterion and methodological

approach to the classification of single-industry towns: theory and practice]. *Regionalnaya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional Economics: Theory and Practice], 4, 4–18.

22. *Shastitko, A.E. & A.F. Fatikhova.* (2015). Monogoroda: novyy vzglyad na staruyu problem [Monotowns: a new take on the old problem]. *Baltiyskiy region* [Baltic Region], 1 (23), 7–35.

23. *Dignard, L.A.* (1989). A Comparative Approach to the Study of Community and Work in Canadian Mining and Forestry Towns: A thesis submitted to the faculty of graduate studies and research. Ottawa.

24. *Drejerska, N.* (2015). Is sustainability possible in suburbs of big cities? – The example of Warsaw. In: W. Leal Filho, A. Úbelis, D. Bērziņa. (Eds.). *Sustainable Development, Knowledge Society and Smart Future Manufacturing Technologies*. World Sustainability Series. Cham, Springer.

25. *Gill, A.M.* (2002). Respecting context in Northern resource town planning: the case of Tumbler Ridge. *Western Geography*, 12, 113–129.

26. *Mawhinney, A.-M. & J. Pitblado.* (2009). Boom Town Blues – Elliot Lake: Collapse and Revival in a Single-Industry Community. Toronto.

27. *Ning, L. & F. Wang.* (2018). Does FDI environmental knowledge spillovers to developing countries? The role of the local industrial structure. *Environmental and Resource Economics*, Vol. 71, No. 2, 381–405.

28. *Rudacille, D.* (2010). *Roots of Steel: Boom and Bust in an American Mill Town*. New York.

29. *Sadler, D.* (1994). *Marginality in the New Europe*. Birmingham.

30. *Slavin, M.I.* (Ed.). (2011). *Sustainability in America's Cities. Creating the Green Metropolis*. Island Press, Washington, DC. DOI: 10.5822/978-1-61091-028-6.

31. *Leal Filho, W., A. Úbelis & D. Bērziņa.* (Eds.). (2015). *Sustainable Development, Knowledge Society and Smart Future Manufacturing Technologies*. World Sustainability Series. DOI: 10.1007/978-3-319-14883-0_24.

Information about the author

Pyzheva, Yuliya Ivanovna (Krasnoyarsk, Russia) – Candidate of Sciences (Economics), Docent, Leading Researcher at Siberian Federal University (79, Svobodny av., Krasnoyarsk, 660041, Russia). E-mail: ystartseva@sfu-kras.ru.

Поступила в редколлегию 22.04.2022.

После доработки 22.08.2022.

Принята к публикации 26.08.2022.

© Пыжева Ю.И., 2022